

ВЛАСТЬ

Налоговый революционер

В России новое правительство и новый премьер-министр. Его фамилию 86% опрошенных социологами россиян узнали, лишь когда Михаил Мишустин стал вторым в стране человеком. Новичков во власти оказалось так много, что страна еще не скоро закончит знакомство со своим правительством. Главный редактор «Д» **Виктор Лошак** — о надеждах и разочарованиях, оптимизме и прогнозах.

Виктор Лошак

У Мишустина хорошая улыбка и волевое лицо человека с характером. Он пришел во власть из бизнеса, в который лет десять назад возвращался, поработав до этого в структурах правительства, поэтому семья его давно живет хорошо: большие деньги, большие дома на знаменитой Рублевке, обеспеченные сыновья и близкие родственники. Чтобы снять всевозможные толки о происхождении капиталов нового премьера, управляющий партнер инвестиционной компании UFG Полина Герасименко недавно дала интервью агентству РБК: проработав два года партнером этой компании, Мишустин заработал \$2,5 млн, позже за его долю в трасте, которую Мишустин передал ближайшим родственникам, они получили за пять лет \$33,5 млн.

Новый премьер пишет стихи и песни, на слух играет на рояле, любит теннис, а в хоккей выступает в Ночной хоккейной лиге вместе с президентом. Впрочем, к ближнему кругу Путина его ни раньше, ни сейчас не причисляют. Он то новое лицо власти, которое страна давно хотела увидеть. Может быть, и хорошо, что Мишустина россияне знают мало — значит, его отрицательный рейтинг в их глазах пока нулевой.

Мой друг легко объяснил мне, кто такой Мишустин, когда мы подъезжали к подмосковному научному центру — городу Дубне. Поле недалеко от дороги занято ангарами, в которых расположился дата-центр Налоговой службы России. Мишустин — налоговый революционер. Благодаря цифровизации он сделал финансово разболтанную страну едва ли не самой образцовой в мире по уплате налогов, технологии и удобству их сборов. И более того, именно налоговое ведомство благодаря своей прогрессивности стало центром сбора самой разной экономической информации, что позволяет при помощи больших данных лучше понимать социально-экономические процессы в России.

54 года — хороший возраст для того, чтобы стать премьер-министром. В эти годы такой вызов судьбы интересен и ты уже достаточно мудр, чтобы его правильно принять. Зачем Путину, который, по сути, сам и воплощает всю российскую политическую систему, понадобился Мишустин, очевидно: судя по тому, что происходит с Конституцией, президент намерен «уйти, остаться». Для этого понадобится не только новая Конституция, но и

Теперь взгляды Михаила Мишустина на жизнь важны для всей страны

работающая экономика, и довольная страна. А качество управления в России к началу 2020-го было настолько низким, что правительство не могло справиться даже с задачей израсходовать уже имеющиеся ресурсы: в 2018-м не потратили около 770 млрд руб., в прошлом — триллион! Эти деньги в основном планировались для национальных проектов и могли привести

обычную пока для Белого дома практику общения с президентом через голову премьера. Предшественник Мишустина зачастую даже не участвовал во встречах президента со своим правительством.

Однако нельзя не заметить: при всех переменах силовики во власти все те же. Значит, консервируется едва ли не главная проблема россий-

ской школы Рубен Ениколопов, «ни для кого не секрет, что один из основных тормозов экономического роста — российская правоохранительная система, которая не обеспечивает прав собственности, не борется с коррупцией и зачастую используется в качестве дубинки при решении коммерческих споров».

Чтобы бизнес развивался и экономика выздоравливала, правительству парадоксально нужно противостоять собственному силовому блоку — всем тем, кто будет и привык первым претендовать на бюджет. Самым сложным тут будет сопротивляться той группе людей, в большинстве своем не имеющих никаких важных должностей, которых называют «путинским политбюро». Хватит ли у нового правительства, где совсем мало осталось политических тяжеловесов, воли и твердости? Не зря ведь известный политолог Татьяна Становая так характеризует их всех вместе: «Они неконфликтны, исполнительны, молодцы (шесть из восьми новых министров моложе 45 лет. — ВЛ), легко адаптируются и не лезут в политику. Многие из них Путин по возрасту годится в отцы — это следующее поколение, которое живет в другом, цифровом мире, малопонятном для стареющего руководства страны». Политической

сопротивляемости Мишустина всем «друзьям», лоббистам, главам госкомпаний, конечно же, не хватит, если сам Путин не станет гарантом независимости этого правительства. В этом прежде всего его собственный интерес: именно этим людям предстоит сопровождать президента в сложный период большого транзита власти.

Россия времен болезненного падения доходов, почти нулевого роста экономики, громких коррупционных разоблачений, санкций, наконец, — очень настороженная страна. Мишустину и его правительству лишь предстоит завоевать ее расположение. Возможно это лишь одним результатом: нужен экономический рост. Только его можно противопоставить разувирившимся — пока же 46% опрошенных социологами не ждут от нового правительства позитивных перемен, а 9% ожидают лишь ухудшения. Пессимизм заметен и в среде экспертов. В концентрированном виде его выразил один из лучших отечественных экономических комментаторов — Андрей Мовчан — в своей статье для Фонда Карнеги. Иронизируя над надеждами на новое правительство, похожее по составу на контрольно-ревизионное управление — так много здесь выходов из налогового ведомства, он срав-

нивает все происходящее с чисто русским ожиданием волшебного перелома — неожиданного и беспричинного разворота к лучшему. «Главная задача путинской политэкономии, — пишет автор, — собирать как можно больше налогов. Вот почему во главе правительства появляется успешный руководитель ФНС. Вот чего в принципе и следует ждать — роста налоговой нагрузки, как минимум в виде дальнейшего роста собираемости, но наверняка не только». Одним словом, из будущих побед Мишустина Мовчан предвидит лишь одну — выжимание из населения и бизнеса денег. Но первые шаги премьера отнюдь не иллюстрируют главный тезис известного экономиста — наоборот, новое правительство возобновило дискуссию о снижении социальных взносов со ставки 30% до 23–25%. Эта реформа может привести к обелению рынка труда, росту доходов населения и экономики.

Обсуждая новое правительство, российские комментаторы никак не реагируют на то, что выбранный вариант, наверное, наиболее приемлем для западных партнеров и в принципе для инвесторов. Ошибка, наверное, считать, что новый кабинет — это не про привлечение иностранных и вообще частных инвестиций, а лишь про еще большее госрегулирование. Экономический рост без повышения открытости экономики в сегодняшнем мире вряд ли возможен. Преодоление изоляции станет для нового правительства вопросом. Мишустин и, пожалуй, все пришедшие с ним правительственные новички — персоны никак не конфликтные для Запада в тех противоречивых проблемах отношений, из-за которых возникли санкции. Ни одного из них не назывешь активным участником того, что происходило в Крыму и на Донбассе, среди них нет пропагандистов и сторонников переписывания истории. Европейское деловое сообщество получило вменяемых и не зашоренных идеологий партнеров. Стоит вспомнить, что как серьезный бизнесмен Мишустин начинал с того, что выступил одним из создателей «Международного компьютерного форума» — структуры, позволившей начать в России бизнес едва ли не всем самым главным брендам.

Буквально в первый час после назначения Михаила Мишустина большинство комментаторов назвали его техническим премьером. Станет ли он политическим — зависит от двух людей: Путина и самого Мишустина. То, как встретили нового руководителя Белого дома, уже говорит о том, что его шансы на лояльность элиты очень высоки. В условиях транзита власти эта лояльность приобретает новую высокую стоимость. Для самого Мишустина стать политиком может оказаться интересным и интригующим вызовом. Но это путь по минному полю: цель понятна, а вот перспектива не ясна.

Европейское деловое сообщество получило вменяемых и не зашоренных идеологий партнеров

хотя бы к небольшому экономическому росту, которого не случилось.

Путин нигде не сказал о карт-бланше новому премьеру, но об этом сказал подбор людей в новом кабинете: Мишустин поставил несколько своих вице-премьеров и министров, а Путин убрал из Белого дома двух последних старых и близких коллег — Дмитрия Козака и Виталия Мутко. Достаточно сказать, что именно Козак когда-то привел Путина в питерскую мэрию, где началась новая жизнь бывшего офицера КГБ на госслужбе. Возможно, подбор правительства самим Мишустиным позволит прекратить

ского развития — чуть ли не узаконенное кормление силовиков от бизнеса. Ментально корень этой проблемы в искаженном понимании справедливости: по умолчанию считается, что достаточно высокий чин в ФСБ или полиции вправе жить не хуже, а то и лучше, чем средней руки бизнесмен. Отсюда шокирующая в последние годы обшество череда разоблачений и арестов, в результате которых у не таких уж высоких начальников в погонах находят миллионы долларов и миллиарды рублей. Как резко и откровенно прокомментировал эту тему ректор Российской экономиче-

ПРОГНОЗ

Люди и обстоятельства

>> стр. 1

Почему так вышло — предмет отдельного исследования. Здесь достаточно упомянуть переплетение давней исторической традиции с очень конкретными реалиями рубежа веков. Необходимость восстанавливать государство после фатального потрясения, постигшего его предшественника, породила запрос на понятного и эффективного лидера. Эффективное лидерство же в ситуации, когда нет привычки к институтам, превращается в институт само. Но институт, который заведомо регулируется не прописанными правилами, а неформальными обстоятельствами и текущим пониманием целесообразности. Происходит это все не по воле (злой или доброй) руководителя, а в значительной степени по своей внутренней логике. Заложником которой может стать и тот самый лидер, вокруг которого выстраивается вся эта конструкция.

Впрочем, чем сложнее реальность, тем более простые ответы хочется получить. Отсюда и западное желание покрасить все, что касается России, в понятные два цвета, инерция вроде бы уже фундаментально не оправдавшего себя концепта «правильной и неправильной сторон истории». Между тем на самом Западе уже перестает быть понятным, кто по какому «сторону» находится. И эта неприятная неопределенность усугубляет тягу найти не только постороннего ви-

новника собственных проблем, но и «дурной пример», на который можно указывать, осуждающе качая головой. Россия тут как тут. Так кризис в отношениях с Россией оказывается непосредственно связан с кризисом внутри западных обществ и политических систем. Это не самая хорошая новость, потому что означает, что распутывание отношений будет намного более трудоемким и продолжительным делом, чем если бы речь шла о конкретных геополитических, экономических или даже идеологических противоречиях.

Россия и Европейский союз, как ни удивительно, почти ровесники. Российская Федерация в ее современном виде появилась на международной арене в канун 1992 года, тогда же — в самом начале 1992-го — вступил в силу договор о создании Европейского союза. Понятно, что оба партнера возникли не с нуля: каждый продолжал долгую традицию (Россия — СССР, Евросоюз — Евросообщества). Но совпадение символично: появление этих двух субъектов знаменовало конец одной эпохи в Европе и начало другой.

Спустя почти три десятилетия Россия и ЕС тоже одновременно вступают в новый период. И дело не в персоналиях, хотя длительное пребывание лидеров на посту неизбежно создает нервность в момент, когда они начинают задумываться об уходе (случай Путина и Меркель при очевидных различиях подтверждают эту мысль). Но сводить все к личному фак-

тору — упрощение. В обеих частях европейского континента — и в Европейском союзе, и к востоку от него — очевиден запрос на новую повестку. Естественную, совершенно разную.

Евросоюз прожил 30 лет с ощущением (пусть и затухающим), что мир необратимо изменился в его пользу, а сама модель европейской интеграции настолько успешна, что может служить образцом для всего человечества. Сейчас от этого чувства не осталось почти ничего, формальный акт выхода Великобритании из состава ЕС стал символом конца экспансии и

И в Европейском союзе, и к востоку от него, в России, очевиден запрос на новую повестку

начала сжатия организации. Сжатия не обязательно буквального (едва ли в обозримом будущем кто-то еще захочет покинуть Евросоюз), но ментального — сосредоточения на своих проблемах, на поиске новой позиции единой Европы, которая бы соответствовала изменившемуся времени. Уход Лондона важен и с точки зрения внутреннего баланса — это не просто «минус одна страна», а совершенно другое соотношение сил и интересов между ведущими континентальными державами. Прежде всего Германией и Францией, тем более что в обеих происходит весьма болезненные политические процессы.

давности взят, следующий вопрос — как использовать восстановленные возможности. И не столько для расширения внешней сферы, сколько для развития внутренней.

В этом году послание президента Федеральному собранию содержало не только взбудоражившие всех предположения по конституционным изменениям, но и другие интересные вещи. В частности, внешней политике и безопасности было уделено необычно мало внимания (эта часть традиционно ключевая в таких документах), а мысль в международном разделе была очень простая и доходчивая: благодаря усилиям прошлых лет без-

опасность мы гарантировали, войны бояться не надо. Можем заняться другими вещами: развитием страны и повышением уровня и качества жизни. Этой теме — демография, повышение благосостояния — была посвящена примерно половина всей речи.

Если воспользоваться популярным лозунгом, с которым шагает по своей политической жизни Дональд Трамп, то смысл послания Путина можно передать как «Россия прежде всего». Не в смысле международного доминирования, а, наоборот, гораздо более вдумчивой концентрации на решении внутренних задач. Но внешние действия должны в большей степени, чем прежде, соотноситься с внутренними нуждами и ожиданиями.

Новый период в России и ЕС начинается одновременно, но содержание у него разное. Евросоюзу нужны другие основания для консолидации, и он пребывает в растерянности, где их искать. С одной стороны, требуется внутренняя перестройка, а она отвлекает от внешних дел. С другой, кардинально меняющаяся международная среда заставляет реагировать, находить способы ответа на внешние влияния, а привычные рецепты теряют смысл. У России приоритет, как сказано выше, смещается к внутренним темам, и персональный состав нового правительства явно подбирался под эти задачи. Но, естественно, поддержание международного статуса с посылки дня не уходит. Более того, фиксируемое опросами снижение интереса россиян к международным темам вполне может означать, что они просто удовлетворены текущим состоянием. Но если ситуация в этой сфере будет ухудшаться, беспокойство граждан статусом страны в мире может вновь возрасти.

В идеальном облаке Россия и ЕС прекрасно дополняют друг друга. Евросоюз — оптимальный партнер для превращения России в более современную и благоустроенную страну. Россия способна добавить единой Европе стратегическое измерение и помочь сформулировать новую позицию на международной арене. Но это теория, о которой говорили не раз, начиная с середины 1990-х годов. Никаких стратегических шагов в этом направлении не делалось, поскольку ни одна из сторон, прежде всего Европейский союз, не была готова отказываться от собственных представлений о сотрудничестве и идти на компромиссы по модели взаимовыгоды. По большому счету ни та, ни другая стороны не считали реальный прорыв в сотрудничестве настолько важным для себя, чтобы приложить по-настоящему серьезные усилия.

Сейчас ситуация много сложнее. И размышления о стратегических вопросах становятся совсем не умозрительными, а остро актуальными. Но до тех пор, пока каждая из сторон не определится со своими внутренними установками и принципами, а они неизбежно будут меняться, работа с внешними партнерами останется второстепенной, точнее, чисто инструментальной. До поры до времени.

...Так уйдет Путин или нет? Куда? Куда? Как? Этот вопрос будет занимать умы комментаторов и провоцировать самые разные спекуляции, благо российский президент — мастер нелинейных комбинаций. Но судьбы конкретных политиков — лишь сопутствующие обстоятельства на фоне объективных перемен, которые происходят на наших глазах.